

Томас Александр Слезак

Ганс Кремер (1929–2015)

THOMAS ALEXANDER SZLEZÁK
HANS KRÄMER (1929–2015) (TR. M. BULANENKO)

ABSTRACT. The text of oration *in memoriam* Hans Joachim Krämer (1929–2015), one of the founders of the Tübingen School in Platonic studies. Russian translation.

KEYWORDS: Hans Joachim Krämer, Tübingen School (Platonic studies).

Многоуважаемые родные и близкие Ганса Кремера!
Уважаемые участники траурной церемонии!

В первую очередь разрешите мне как представителю декана, который в соответствии с принятыми на себя ещё в начале года обязательствами находится сегодня в Нью-Йорке, от имени факультета выразить соболезнование родственникам и членам семьи Ганса Кремера. Философский факультет Тюбингенского университета Эберхарда и Карла сознаёт, что в лице Кремера он потерял одного из великих своих представителей — человека, который сначала обогатил работами глубокой учёности свою более узкую дисциплину — историю античной философии, а затем философскими работами по эстетике, этике и герменевтике переступил пределы исконной области своей работы, добывая новые зна-

© T.A. Szlezák (Tübingen). thomas.a.szlezak@uni-tuebingen.de. Eberhard Karls Universität Tübingen.

© М.Е. Буланенко (Владивосток). bulanenko@list.ru. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

ния и публикуя результаты своих изысканий, в той или иной мере значимые для каждого занимающегося гуманитарными науками. Такие учёные — подлинная гордость факультетов и университетов: даже в старости они не перестают духовно расти, овладевать новыми научными областями и оказывать влияние, преодолевающее границы факультета и университета, оплодотворяя духовную жизнь в целом, причём не только в национальном, но и в международном масштабе. Учёным такого формата был Ганс Кремер.

Сегодня университеты переживают время перемен. Во времена моей активной деятельности мне не пришлось застать реформы по внедрению так называемой болонской модели. С тревогой и огорчением я слышу, что *все*, так сказать, ещё действующие коллеги отзываются о новой системе негативно. Чтобы понять фигуру Кремера, недостаточно сказать, что он не был человеком нового университета болонского типа. Чтобы понять его, необходимо вернуться в ещё более раннюю эпоху. Кремер был продуктом и до конца оставался представителем старого немецкого университета, во многом утратившего своё своеобразие и своё качество ещё в ходе реформ семидесятых годов прошлого столетия, когда из политических соображений опрометчиво стали умножаться и повсеместно открываться высшие школы, что было попросту недостижимо без ощутимого понижения их уровня. Весь духовный строй Кремера как учёного и преподавателя однозначно принадлежал времени, которое этому предшествовало. Одиночество и свобода — в этом идеале была выражена сущность старого немецкого университета. Оглядываясь на время сорокалетней давности, Кремер сам подробно описал одиночество и свободу, с которой он создавал свою гениальную первую книгу, эпохальную диссертацию «Аретэ по Платону и Аристотелю» (это описание можно найти в предисловии к итальянскому переводу книги Конрада Гайзера «Неписаное учение Платона», вышедшему в Милане в 1994 году). Однако то обстоятельство, что, будучи молодым аспирантом в середине 1950-х годов, он работал в пол-

ном одиночестве и воспользовался свободой выступить против всего, что считалось тогда общепризнанным, ещё не означает, что в старом, позже многократно обруганном немецком «университете ординарных профессоров», не было место человеческим контактам. Ни с чем не сравнимая духовная открытость и свобода в аспирантском коллоквиуме Вольфганга Шадевальдта, свидетелем которой позже, в шестидесятых годах, довелось стать и мне самому, позволила двадцативосьмилетнему Гансу Кремеру поставить под вопрос образ Платона его собственного научного руководителя. Единственным, что принималось в расчёт, было качество аргументации. И Шадевальдт понял уникальное значение книги, позаботившись о том, чтобы она была опубликована в серии трудов Гейдельбергской академии наук.

Подход Кремера, представленный в книге «Аретэ по Платону и Аристотелю» был по праву расценён как начало новой парадигмы в платоноведении. Благодаря новой парадигме стало вдруг возможным увидеть осмысленность платоновской эсотерики, философское значение его неписаного учения о принципах и систематику всей его мысли, при этом обнаруживая её следы и в платоновских диалогах.

Однако у столь радикального начинания есть и своя цена. Гениальная новизна не была понята, и вскоре с ней началась борьба, которая велась по большей части весьма недобросовестным образом и на неподобающем уровне. Но именно это и оказалось действительным: Кремеру так никогда и не предложили занять какую-либо кафедру — непреходящий позор для немецкой высшей школы (не для той, старой, о которой я только что говорил, ведь несостоявшееся приглашение должно было бы прийти на время после 1968 года, на период реформы университетского образования).

Дружному отрицанию со стороны множества приверженцев навязанной экзистенциализмом и модной в ту пору интерпретации Платона противостояли трезвое признание и поддержка со стороны немногих сверстников: например, со стороны Конрада

Гайзера, сподвижника Кремера, уже достаточно рано заговорившего «об историческом часе» платоновской экзегезы, затем со стороны Клауса Элера, метко писавшего о «демифологизированном Платоне» (1965), и со стороны Энрико Берти в Италии, благодаря своему знанию раннего Аристотеля располагавшего предпосылками для правильной оценки Кремера (и Гайзера).

Как университетский преподаватель Кремер был известен своей требовательностью. Это снискало ему восхищение как раз среди самых лучших студентов. Кто получал у него зачёт по семинарскому курсу, знал, что этот зачёт чего-то да стоит.

В годы своего приват-доцентства Кремер предпринял проработку метафизической мысли древних греков от Аристотеля до Плотина в двух объёмных произведениях — «Происхождение метафизики духа» (1964) и «Платонизм и эллинистическая философия» (1971), — демонстрирующих обширное знание источников, подобного которому, по моему заключению, кроме него не достиг никто. Однако и это свершение лишь немногие пожелали оценить по достоинству.

Но вот в конце 1970-х годов случилась его встреча с Джованни Реале, исключительно работоспособным историком философии из Миланского католического университета Святого Сердца. Реале, поначалу бывший противником тюрбингенского подхода, проведя его добросовестную и нейтральную проверку — к которой он, таким образом, оказался способен, в отличие от большинства коллег, — стал поклонником и приверженцем этого подхода. В своей энергичной и осмотрительной манере он в очень большой степени способствовал распространению и признанию тюрбингенской школы — поначалу в Италии, а затем и в других странах, где его слово было услышано. Сотрудничество с Реале и его школой стало исключительной удачей для обеих сторон. Столь же велико было и потрясение в Милане, когда после смерти Реале в октябре прошлого года теперь туда пришло известие о смерти Кремера. Мне было дано настоятельное поручение передать собравшимся здесь участникам траурной церемонии соболезнование всей ми-

ланской школы, которая к настоящему времени уже давно обосновалась во многих итальянских университетах.

С ростом литературы по непisanому учению Платона в последние два десятилетия ушедшего века Кремер превратился в крупнейший, пусть и не всегда прямо упоминаемый, авторитет, с которым в конечном итоге соотносились все. В частном порядке это было общепризнанным, в публичном стало таковым благодаря присуждению ему в 2004 году почётного гражданства города Сиракузы, известного как «город Платона».

Проделанного им до сих пор пути было бы достаточно, чтобы состояться в качестве одного из великих деятелей гуманитарных наук XX столетия.

Но в старости он начал всё заново и двинулся к новым горизонтам. Специалистам в области этики он дал пищу для дискуссий своим оригинальным подходом в форме интегративной этики, которая отказывается от деонтологического и утилитаристского подходов и помогает лучше понять эвдемонический взгляд Аристотеля. «Критика герменевтики» (2007) представляет собой наиболее значительный в философском отношении ответ на работу Гадамера «Истина и метод», в конечном итоге — её преодоление. Гадамер, ещё в 1996 году искавший разговора о Платоне с тьюбингцами, по поводу герменевтики Кремера высказаться уже не мог.

В области философии Ганс Кремер оставил непреходящее наследие. В последние годы жизни его всё больше посещали учёные и преподаватели из-за границы. На всех производил впечатление Кремер как человек: несмотря на выдающиеся личные достижения, он был совершенно лишён какой бы то ни было заносчивости. Он охотно признавал достижения и уровень своего собеседника и всегда оставался образцом безупречной вежливости.

Его дело будет жить и говорить само за себя. Он был счастлив, что ещё смог собственными глазами увидеть своё «Собрание статей о Платоне», блестящее изданное Дагмар Мирбах. Для него бы-

ло важным, что исследовательское направление, сегодня по всему миру называемое тюрбингенской школой, к настоящему времени представлено платониками по меньшей мере в 15 странах. И вот, даже скорбь о великом учёном Кремере становится тем, что объединяет платоников многих национальностей.

Мы, собравшиеся здесь, знали его лично, и для нас его личность будет оставаться столь же живой, как и его дело. Его мужественная способность к радикальной интеллектуальной самостоятельности и неизменная прямолинейность его характера не только вызывают наше восхищение и уважение, но и побуждают нас вспоминать о нём с благодарностью.

Людвигсбург, 13 мая 2015 года

Томас Александр Слезак

Перевод с нем. Максима Буланенко.